

Институт
археологии
Российской
академии наук

К. Н. Скворцов

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭСТИЕВ

В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Материалы
спасательных
археологических
исследований

29

Институт
археологии
Российской
академии наук

К. Н. Скворцов

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭСТИЕВ

В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Материалы
спасательных
археологических
исследований

29

МОСКВА 2022

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

УДК 902/904
ББК 63.4
С42

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук Н.А. Макаров
доктор исторических наук М.М. Казанский

Рецензенты: доктор исторических наук А.В. Мастыкова
доктор исторических наук А.М. Обломский

Скворцов К.Н. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов (Материалы спасательных археологических исследований. Том 29). – М.: ИА РАН, 2022. – 476 с.

Монография посвящена обобщению и введению в научный оборот данных о привилегированных, «вождеских» погребальных комплексах в ареале самбийско-натангийской культуры, относящихся к эпохе Великого переселения народов и раннемеровингскому времени, а также их изучению в общем культурно-историческом контексте циркумбалтийского региона.

В публикации представлены комплексы, изученные с 1873 по 2021 г. на территориях исторических земель Самбии и Натангии. Предпринята попытка реконструировать общий исторический контекст возникновения родовых элит в обществе эстиев, особенности погребального обряда, погребального инвентаря, географическую обусловленность положения этих погребений в инфраструктуре микрорегиона и их безусловную связь с торговлей янтарем.

В оформлении обложки использованы: фото: А.А. Бронников; аэрофото-съемка И.В. Литвиненко.

На фронтиспise: налобная подвеска. VI в. Серебро, чернь, позолота. Логвино – Кляйн Меденау. Фото: А.А. Бронников.

ISBN 978-5-94375-379-4
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-379-4

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© К.Н. Скворцов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Могильник Ушаково 1 – Тенген.....	11
Глава 2. Могильник Первомайское – Варникам	25
Глава 3. Могильник Ветрово 1 – Экриттен II	63
Глава 4. Могильник Березовка – Гросс Заусгартен	73
Глава 5. Могильник Коддиен.....	86
Глава 6. Могильник Кляйнхайде – Гурьевск	95
Глава 7. Могильник Митино 1	109
Глава 8. Могильник Шоссейное.....	154
Глава 9. Могильник Логвино – Кляйн Меденау	187
Глава 10. Могильник Путилово 2 – Гаутен	200
Заключение	237
Таблицы.....	254
Литература и архивные материалы.	412
Приложение 1. Добровольская М.В., Клещенко Е.А. Характеристика кремированных останков из привилегированных погребений носителей самбийско-натангийской культуры конца IV – начала VI в. н. э.	434
Приложение 2. Зиновьев А.В. Лошадиные погребения из грунтового могильника Шоссейное (Гурьевский район, Калининградская область)	441
Приложение 3. Сапрыкина И.А., Чугаев А.В. Техника изготовления, химический состав металла и изотопный состав Рb в серебре предметов из погребений могильника Шоссейное	458
Приложение 4. Источники	466
Summary	470

ВВЕДЕНИЕ

Задачей данной публикации является обобщение и введение в научный оборот данных о погребальных комплексах представителей элит, относящихся к эпохе Великого переселения народов и раннемеровингскому времени в ареале самбийско-натангийской культуры, а также их изучение в общем культурно-историческом контексте циркумбалтийского региона.

Публикация состоит из двух томов. Настоящая работа – это первый том, в котором представлен развернутый каталог погребений представителей «социальной» верхушки самбийско-натангийской культуры. Он имеет самостоятельное значение и содержит полную характеристику исследуемых памятников, а также основные выводы об особенностях формирования и характеристиках погребений элит эстиев. Запланирован выход второго тома с подробным анализом этой категории захоронений.

Следует сделать несколько пояснений по поводу используемой терминологии. В публикации неоднократно употребляются термины «элиты», «знать», «вождеские погребения». Данные термины следует интерпретировать в первую очередь в археологическом контексте. То есть погребения представителей элит – это комплексы, значительно выделяющиеся на фоне остальных особенностями погребального обряда, а также богатством, составом и происхождением погребального инвентаря. Подход, предполагающий построение социальной стратификации по характеристикам погребального инвентаря, весьма популярен в варварской археологии Северной Европы (см., напр., *Hedeager*, 1992. P. 285 и сл.). В базовом для раннесредневековых меровингских могильников исследовании Р. Кристляйна выделены три основные социальные группы, которые коррелируются с тремя «качественными группами» погребений по составу погребального инвентаря (*Christlein*, 1973; *Казанский, Перен*, 2014. С. 264, 265). Его методика с различными модификациями успешно применяется для самых разных варварских социумов, однако имеет и ряд недостатков (*Казанский, Мاستыкова, Скворцов*, 2017. С. 30, 31). Возможность исторической интерпретации термина «вождеские» погребения применительно к балт-

ским могильникам требует отдельного исследования с привлечением дополнительных данных, в первую очередь письменных источников, содержащих свидетельства¹ древних авторов, количество которых весьма ограничено. Поэтому, говоря об погребениях представителей элит или вождеских комплексах, мы придерживаемся в первую очередь археологической интерпретации этого понятия.

Термин «самбийско-натангийская культура» (культура Доллькайм-Коврово)² обозначает культуру, распространенную на территории Самбийского полуострова, исторических Натангии и частично Надровии в последней трети I – начале/первой половине VIII в. Также в публикации употребляются в качестве синонимичных для носителей самбийско-натангийской культуры термины «эстии»³ и «западные балты». Вопрос этнического наполнения самбийско-натангийской культуры здесь не рассматривается, и все употребления этих терминов этнически нейтральны.

В публикации для удобства географической локализации памятников используются исторические, сложившиеся еще в Средние века названия

1 Действительно, письменные источники, правда более поздние, прямо указывают на связь между социальными имущественным статусом умерших и богатством вещей, так или иначе задействованных в погребальных ритуалах эстиев («Орозий короля Альфреда», цит. по: *Матузова*, 1979. С. 26; *Петриц Дусбургга*. Хроника Земли Прусской, III. 5).

2 Так в Центральной Европе принято называть выделенную В. Новаковским культуру римского времени и эпохи Великого переселения народов с центром на Самбийском (Калининградском) полуострове, получившую свое название по эпонимному памятнику (*Nowakowski*, 1996). В русскоязычной археологической литературе чаще используется название «самбийско-натангийская культура». Данное название апеллирует к географии распространения данной культуры и близко к принятому в довоенное время среди немецких археологов обозначению *Samländisch-natangische Gruppe des Westbaltischen Kreises* (*Engel, La Baume*, 1937. S. 168–170).

3 Так как население территории этой части бывшей провинции Восточная Пруссия в античных и раннесредневековых источниках I–IX вв. (Тацит, Кассиодор, Иордан, Орозий короля Альфреда) называют эстиями (*Aestii, Estum*), то автор применительно к рассматриваемым в данной работе погребениям высокого социального статуса конца эпохи римских влияний, Великого переселения народов и раннего Средневековья либо также использует в рамках сложившейся историографической традиции термин «эстии», либо употребляет условный, но устоявшийся термин «самбийско-натангийская культура» (или группа). Распространенный в русскоязычной археологической литературе для местных памятников V–VIII вв. термин «культура пруссов», предложенный В.И. Кулаковым, представляется менее удачным, так как общеизвестно, что пруссы появляются в письменных источниках только в IX в. (Баварский географ), в то время как свидетельства их существовании ранее этого времени сегодня неизвестны.

провинций Балтийского региона: Самбия, Натангия, Надровия.

Рассуждая о периодизации, мы упоминаем эпохи римского времени и Великого переселения народов так, как это принято в современной европейской исторической науке. Определение «меровингские» применяется для регионов, испытавших влияние меровингской культуры, в том числе никогда в Меровингское королевство не входивших, – Норвегии, Чехии, Финляндии.

Что касается относительной хронологии, для древностей римского времени и начала эпохи Великого переселения народов в данной работе для Центральной Европы используется общепринятая хронология европейского Барбарикума (*Shchukin, Kazański, Sharov, 2006. P. V*):

- период (фаза) B1a: 10/20–40 гг. н. э.;
- период (фаза) B1b: 20/40–70/80 гг. н. э.;
- период (фаза) B2: 70/80–160/170 гг. н. э.;
- период (фаза) B2/C1: 160/150–200 гг. н. э.;
- период (фаза) C1a: 160/180–210/230 гг. н. э.;
- период (фаза) C1b: 220/230–250/270 гг. н. э.;
- период (фаза) C2: 250/260–300/320 гг. н. э.;
- период (фаза) C3: 300/320–350/370 гг. н. э.;
- период (фаза) D1: 360/370–400/410 гг. н. э. – горизонт Виллафонтана (*Villafontana*);
- период (фаза) D2: 380/400–440/450 гг. н. э. – горизонт Унтерзибенбрунн (*Untersiebenbrunn*).

Для датировки комплексов от римского времени до Средневековья на территории северной части бывшей имперской провинции Восточная Пруссия до 1945 г. в ряде случаев используется хронологическая система Отто Тишлера с уточнениями Генриха Кемке, Адальберта Бецценбергера и Карла Энгеля (*Bezzenberger, 1897; Kemke, 1902; Engel, 1931; 1935a*):

- период (фаза) A: 150 г. до н. э. – 1 г. н. э.;
- период (фаза) B: 1–200 гг. н. э.;
- период (фаза) C: 200–400 гг. н. э.;
- период (фаза) D: 400–600 гг. н. э.;
- период (фаза) E: 600–800 гг. н. э.;
- период (фаза) F: 800–900 гг. н. э.;
- период (фаза) G: 900–1050 гг. н. э.;
- период (фаза) H: 1050–1250 гг. н. э.

Для западных балтов в польских исследованиях для римского времени и эпохи Великого переселения народов используется хронологическая система Казимира Годловского и Ежи Окулича-Казарина (*Godlowski, 1970; Okulicz, 1973*):

- период (фаза) A3: 20 г. до н. э. – 20 г. н. э.;
- период (фаза) B1: 20–70/80 гг. н. э.;
- период (фаза) B2: 70/80–150 гг. н. э.;
- период (фаза) B2/C1: 150–200 гг. н. э.;
- период (фаза) C1: 200–250/260 гг. н. э.;
- период (фаза) C2–C3: 250/260–350/375 гг. н. э.;
- период (фаза) D: 350/375–450/475 гг. н. э.

Для самбийско-натангийской культуры (Долькайм-Коврово) по Войцеху Новаковскому в римское время и эпоху Великого переселения народов используется хронологическая система (*Nowakowski, 1996*):

- период (фаза) B2a: 70–100 гг. н. э.;
- период (фаза) B2b: 100–150 гг. н. э.;
- период (фаза) B2/C1: 150–200 гг. н. э.;
- период (фаза) C1a: 150–220 гг. н. э.;
- период (фаза) C1b: 220–250 гг. н. э.;
- период (фаза) C2: 250–300 гг. н. э.;
- период (фаза) C3/D: 300–450 гг. н. э.

Для западнобалтских древностей эпохи Великого переселения народов в данной работе используется западнобалтская хронологическая схема (см. подробно: *Kowalski, 1991; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 14–19, 117–120; Hilberg, 2009. S. 83–86; Скворцов, 2010а. С. 180–183*):

- период (фаза) D1: 350/360–375/400 гг. н. э.;
- период (фаза) D2: 375/400–430 гг. н. э.;
- период (фаза) D3/E1: 450–520 гг. н. э.;
- период (фаза) E2a: 520–570 гг. н. э.;
- период (фаза) E2b: 570–610/625 гг. н. э.;
- период (фаза) E3: 610/625–650/675 гг. н. э.;
- период (фаза) F: 650/675–750 гг. н. э.;
- период (фаза) G: после 750 гг.

Все приведенные здесь абсолютные даты имеют, разумеется, ориентировочное значение.

Следует отметить, что еще в начале века написание исследований, посвященных погребениям представителей элит эстиев, не представлялось

возможным по той причине, что их находки практически не были известны. Начиная с момента проведения первых раскопок в Восточной Пруссии⁴ (нынешняя территория Калининградской области) вплоть до 1997 г. было достоверно известно только о двух погребениях упомянутого периода. Речь идет комплексах № 1 и 4 могильника Варникам (*Warnikam, Kr. Heiligenbeil* – ныне Первомайское Багратионовского р-на), которые можно было с большой вероятностью причислить к погребениям элит эстиев⁵. Материалы исследований указанных захоронений были опубликованы частично, а подавляющее большинство находок из них было утрачено в ходе Второй мировой войны. Именно на основании упомянутых довоенных материалов вплоть до настоящего времени и строились немногочисленные выводы об элитах у эстиев в V–VII вв. (*Klebs, 1878; Tischler, Kemke, 1902. S. 41–42. Taf. XIII; XV, 9, 10; Åberg, 1919. S. 104, 110. Abb. 149; 154; Gaerte, 1929. S. 290. Abb. 232, b; 240; 244; 245; Кулаков, 1990. С. 64, 100. Табл. VI, 8, 9; Nowakowski, 1996. S. 41, 42. Taf. 77; 79; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 121–127; Nowakowski, 2007. S. 151, 152; Hilberg, 2009. S. 311–342).*

В ходе моих многолетних исследований некрополей эстиев V–VII вв., которые в основном проходили при проведении спасательных археологических работ, было обнаружено еще 27 погребений с шести грунтовых могильников: Кляйххайде, Шоссейный, Митино, Гурьевского р-на

⁴ Здесь стоит кратко описать местную специфику довоенных археологических исследований, которыми занимались члены общества любителей древностей «Пруссия», образованного в Кенигсберге в 1844 г. с целью «исследования истории, сбора народного прусского фольклора, поиска и получения прусских древностей и произведений искусства любого вида». С его основанием и было положено начало *Prussia-Museum*, ставшего через несколько десятилетий главным хранилищем древностей всей Восточной Пруссии. Наиболее активное участие в работе общества и создании музея приняли члены Кенигсбергского физико-экономического общества (*Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg*), основанного в 1790 г. Также в его состав вошли представители местной интеллигенции самых разных профессий – профессора университета, представители государственных ведомств, купцы, врачи, ремесленники, школьные учителя и т. д. (*Brilla, 2003*).

⁵ Здесь стоит отметить, что ряд послевоенных исследований также упоминал еще три комплекса с могильников Тенген-Ушаково Гурьевского р-на (*Tengen, Kr. Heiligenbeil*), Экриттен-Ветрово Зеленоградского р-на (*Ekritten, Kr. Fishhausen*) и Варенген (*Warengen, Kr. Fishhausen*) в качестве принадлежавших представителям социальной верхушки общества эстиев.

(*Stantau, Kr. Königsberg* – Митино), Путилово (*Gauten, Kr. Fishhausen* – Путилово), Логвино (*Kl. Medenau, Kr. Fishhausen*), Алейка 7⁶ Зеленоградского р-на (*Skarr Wald, Kr. Fishhausen*), принадлежавших представителям социальной верхушки западных балтов.

Зачастую во всех культурах захоронения, отличающиеся богатством и изобилием погребального инвентаря, обнаруживаются в поврежденном виде, в связи с чем большой удачей представляется тот факт, что ряд комплексов был обнаружен в состоянии очень хорошей сохранности. Таким образом, в результате проведенных археологических исследований впервые появилась возможность приступить к всестороннему изучению указанной темы. Полученные данные с привлечением результатов довоенных исследований позволяют сделать выводы о погребальном обряде, характерном для представителей элит эстиев, исследовать и систематизировать погребальный инвентарь, присущий этой категории захоронений, рассмотреть комплексы в динамике их развития и выделить их устойчивые характеристики, сделать ряд выводов о социальной дифференциации общества западных балтов в раннем Средневековье и об особенностях его связей с соседними культурами, а также месте, занимаемом эстиями в общем европейском историческом контексте данной эпохи.

Возвращаясь к вопросу об особенностях исторической и археологической интерпретации термина «вождеские захоронения», следует отметить, что, исходя из, как уже было указано, археологического понимания элитных погребений, в публикации все же предпринята попытка реконструировать общий исторический контекст возникновения родовых элит в обществе эстиев. Для этого в каталоге сделан акцент на особенностях географического положения могильников с богатыми захоронениями и роли этих участков в инфраструктуре микрорегиона. Также в анали-

⁶ Ввиду того, что в ходе исследований 2016–2017 гг. некрополя Алейка 7 получено значительное количество материалов, было принято решение публиковать исследования по данному памятнику в виде отдельной монографии.

зе погребального инвентаря подробно прослеживаются взаимосвязи с соседними синхронными культурами. Все это позволяет сделать вывод о том, что одним из основополагающих факторов, послуживших выделению родовых элит в самбийско-натангийской культуре, послужила торговля янтарем на участке торгового пути от Самбии к устью Вислы (см. подробнее Заключение). При изучении погребальных комплексов также привлечены результаты многочисленных исследований всех групп материалов, сохранившихся в погребениях:

- антропологический, анализ костных останков;
- палеозоологический, анализ останков коней;
- химический анализ металлического инвентаря части погребений;
- анализ пород древесины части погребений (лук седел) и т. д.

За всестороннюю поддержку работы над данной книгой хочу выразить признательность директору Института археологии РАН Николаю Андреевичу Макарову и заведующей Отделом сохранения культурного наследия Института археологии РАН, заместителю директора ИА РАН Асе Викторовне Энгатовой. Без их неоценимой помощи данная монография была бы просто невозможна.

Отдельно хотелось бы сердечно поблагодарить Михаила Михайловича Казанского (Национальный центр научных исследований Франции) за всестороннюю поддержку, оказанную автору в работе над этой книгой.

Также выражаю признательность коллегам по Институту археологии РАН и Самбийской экспедиции Александру Николаевичу Хохлову, Ярославу Владимировичу Прасолову, Сергею Александровичу Зоцу, Елене Павловне Зоц, Леониду Александровичу Ефремову, Юлии Владимировне Долженковой, Татьяне Всеволодовне Скворцовой, Денису Борисовичу Тюхтину, Алексею Станиславовичу Сидорову, Александру Алексеичу Конюхову за помощь в работе.

Моя искренняя признательность всем участникам работ на памятниках, упомянутых в дан-

ной книге, студентам исторического факультета БФУ им. И. Канта, волонтерам и особенно Кириллу Леонидовичу Юганову, Евгению Анатольевичу Калашникову и Ивану Николаевичу Сходнову.

Я очень благодарен всем, кто принимал участие в работе над иллюстрациями, Наталье Владимировне Тимошенко, Анатолию Владимировичу Новикову, Марине Анатольевне Богаевой и Ольге Александровне Махоркиной.

Выражаю мою искреннюю благодарность сотрудникам Калининградского областного историко-художественного музея Светлане Алексеевне Коваль и Татьяне Иосифовне Махоркиной за помощь в работе с коллекциями.

Автор благодарен за консультации и помощь в поиске литературы Бартошу Контному (Институт археологии Варшавского университета) и Мирославу Хоффманну (Музей Вармии и Мазур), а также моему коллеге Мирославу Рудницкому за плодотворное обсуждение некоторых сюжетов по теме книги.

Моя искренняя признательность директорам Берлинского музея древней и ранней истории Вильфриду Менгину и Маттиасу Вемхофу, а также сотруднику этого музея, хранителю коллекции музея «Пруссия» Хайно Неймауеру за возможность работы с архивом музея «Пруссия» и публикацию некоторых документов,

Хотелось бы высказать особую признательность генеральному директору Центра балтийской и скандинавской археологии (ZBSA) Клаусу фон Карнап-Борнхайму за многолетнее плодотворное сотрудничество, которое привело к написанию данной книги, и всемерную поддержку работы над ней, а также поблагодарить сотрудников центра Тимо Ибсена, Александру Пеш, Аннику Сиркин, Фолкера Хильберга, Андреаса Рау, а также сотрудников ГИС отдела центра Йорга Навотного и Карин Гёбель за всестороннюю помощь.

Спасибо вам всем за поддержку, помощь и советы.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ**

Глава 1

МОГИЛЬНИК УШАКОВО 1 – ТЕНГЕН

1.1. Местоположение

Грунтовый могильник Ушаково 1 – Тенген находится на территории Новомосковского сельского поселения Гурьевского р-на Калининградской обл., в 1,0 км к востоку от северо-восточной окраины пос. Ушаково (бывш. *Brandenburg, Kr. Heiligenbeil*), у места впадения р. Прохладная (нем. *Frisching*) в Калининградский залив (нем. *Frisches Haff*) (рис. 1, 2), около 0,74 км к северу от бывшего местоположения господского дома Региненхоф (*Reginenhof*), в 0,89 км к северо-западу от имения Тенген и в 1 км к югу от берега Калининградского залива. Памятник находится на юго-западном песчаном склоне г. Степная (нем. *Heidenberg*). Возвышенность, на которой расположен памятник, представляет собой распаханые сельскохозяйственные угодья. Перепад высот поверхности объекта археологического наследия колеблется в пределах 1,0–3,0 м. Высота площадки объекта археологического наследия характеризуется отметками 23,5–26,5 м в Балтийской системе высот. Территория памятника в плане имеет форму овала, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток.

1.2. История изучения

Грунтовый могильник Ушаково 1 располагается на землях имения Тенген (бывш. *Tengen, Kr. Heiligenbeil*) (рис. 3) в исторической Натангии. Впервые памятник был обнаружен в 1872 г.⁷, когда с поля, относящегося к поместью Тенген, стали доставлять камни⁸ для строительства на близлежащий фольварк Айнзам (бывш. *Einsam*). Владельцем поместья Тенген господином Вином во время добычи камня на поле были бессистем-

но раскопаны погребения № 1–5 (*Berendt, 1873. S. 88*). Осенью 1873 г. член провинциального физико-экономического общества в Кенигсберге Готтлиб Михаэль Берендт⁹ (*Berendt, 1873*) на землях имения Тенген (бывш. *Tengen, Kr. Heiligenbeil*) (рис. 4) приступил к исследованию могильника Тенген. В ходе этих работ были изучены погребения № 6–22, а погребения № 23–27¹⁰ были раскопаны все тем же владельцем поместья, но, как пишет Г. Берендт, уже более систематически (*Berendt, 1873. S. 81–95*). Летом 1875 г. исследования на этом памятнике провел Рихард Клебс, коллега Г. Берендта. Им были исследованы погребения № 28–39 (*Klebs, 1976. S. 51–62*). Р. Клебс продолжил изучение памятника, в 1878 г. исследовав погребения № 40–50. В ходе этих работ в 1872–1873, 1875 и 1878 гг. было изучено 50 погребений, датированных от начала позднеримского периода до конца эпохи Великого переселения народов с периода С по периоды D–E по О. Тишлеру – Г. Кемке (с III по VIII в.) (*Hollack, 1914. S. 163; Jaskanis, 1977. S. 333*).

После 1945 г. точное местонахождение памятника известно не было. В полевой сезон 2015 г. в ходе разведочных работ, проведенных отрядом САЭ ИА РАН под моим руководством, по программе «Янтарь в древних культурах», инициированной Калининградским областным музеем янтаря, при исследовании на грунтовом могильнике Ушаково 3, северо-восточнее пос. Ушаково, было установлено местонахождение могильника Тенген (*Скворцов, 2015*) (рис. 5, 6). В ходе работ на Ушаково 3 местные жители передали ряд находок, сделанных на пахотном поле с левой стороны от въезда в пос. Ушаково. Переданные предметы оказались фрагментами бронзовых украшений II–VI вв. н. э. После осмотра места находки было высказано предположение, что это известный с XIX в. могильник Тенген. В 2017 г. о данных находках было сообщено коллегам по Самбийской

⁷ В археологической литературе XX–XXI вв., включавшей в себя информацию о раскопках могильника Тенген, часто можно видеть ошибочную дату начала работ на нем в 1874 г. (напр., *Jaskanis J., 1977. S. 333; Кулаков, 2019*). Но в первых публикациях идет речь, безусловно, о 1872 и 1873 гг. (*Berendt, 1873. S. 88*).

⁸ Эти камни были остатками каменных кладок древних погребений, поврежденных в ходе многовековых сельскохозяйственных работ на этом месте, и, как писал Г. Берендт: «Однако можно предположить, что довольно плотно прилежавшие друг к другу могилы на поверхности были также отмечены многочисленными камнями, вероятно находившимися над центром подземной кладки, и были видны на поверхности, и лишь все разрушающее время или еще более разрушительным был в определенном смысле культурный человек, который при обработке земли вырывал мешавшие камни, которые затем уходили на фундамент или каменные стены или же были использованы для постройки проходившей мимо бывшей большой дороги на Берлин и превратились в пыль» (*Berendt, 1873. S. 87*).

⁹ Известный немецкий геолог, бывший в разные годы профессором Кенигсбергского и Берлинского университетов и директором Прусского геологического института в Берлине (*Keilhack, 1921. S. 28*).

¹⁰ Вероятнее всего, Г. Берендт провел эти работы по приглашению владельца поместья Вина, который подарил найденные предметы из погребений в собрание провинциального физико-экономического общества в Кенигсберге. Г. Берендт в своей статье благодарил последнего за возможность работ на его земле и за поддержку, которую он оказывал в проведении этих работ (*Berendt, 1873. S. 88*).

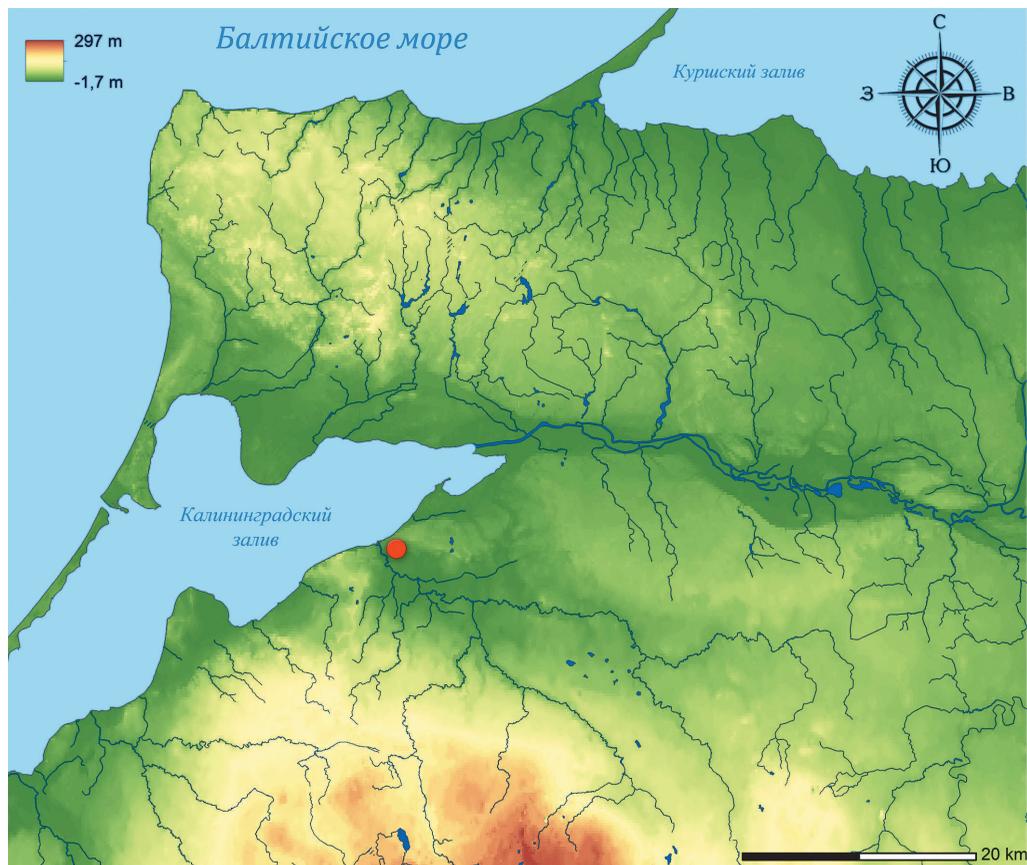

Рис. 1. Географическое положение могильника Ушаково 1 – Тенген

археологической экспедиции ИА РАН (начальник отряда – А.Б. Иванова, начальник экспедиции – А.Н. Хохлов), проводившим разведочные работы рядом с памятником. В ходе проведенных ими разведок был выявлен комплекс памятников – поселение Ушаково 4 и грунтовый могильник Ушаково 1 – Тенген (Иванова, 2019). С территории памятника Ушаково 1 был собран подъемный материал, относящийся к некрополю, представленный индивидуальными находками, а также керамическим материалом, датированным с II по XII в., и поздними материалами, относящимся к поселению с XIV до XIX в. Таким образом, работы 2017 г. позволили уточнить хронологию могильника в пределах с II по XII в. (Иванова, 2019). Эти могильники в Тенген могли также быть специально освященными местами погребений и в течение длительного времени на протяжении столетий использовались по назначению, как и у нас на христианских кладбищах, где по закону уже спустя 30 лет спустя можно заново использовать могилу. Здесь также поздние поколения могли при использовании того же самого места неоднократно наталкиваться на старую могилу и многократно разрушали расположенные рядом урны.

1.3. Общая характеристика и значение памятника

Практически все исследованные погребальные комплексы, изученные в 1872–1878 гг., за исключением восьми погребений, раскопанных в 1878 г., были опубликованы авторами исследований в двух статьях, которые и дают основной массив информации по данным находкам (Berendt, 1873. S. 81–95. Taf. I–IV; Klebs, 1876. S. 51–62. Taf. I, II). Небольшое, но значимое представление о некоторых комплексах дает также Архив Феликса Якобсона (*Jākobson Arhīvs*) в Риге, в котором представлены в том числе и карточки с информацией о части погребального инвентаря неопубликованных захоронений из раскопок 1878 г. – погребения № 42, 43, 46, 49 (*F. Jākobson Arhīvs*). Материалы этих раскопок были обобщены и систематизированы в 1977 г. Яном Ясканисом в его работе, посвященной могильникам западных балтов в римское время. Польский исследователь датировал погребения некрополя Тенген фазами C1–E (ок. 200–250/260–600–800 гг. н. э.) (Jaskanis J., 1977. S. 333, 334). Найденные погребения были представлены исключительно кремациями, при этом самые ранние из них, периодов C1–C2 позднеримского времени (около

Рис. 2. Карта окрестностей пос. Ушаково с положением могильника Ушаково 1 – Тенген. Фрагмент векторной карты Государственной геодезической сети (масштаб 1:25 000)

200–300/320 гг. н. э.), как правило, были урновыми, а наиболее поздние, относящиеся к фазам D/E–E эпохи Великого переселения народов (ок. 350/375–450/475–600–800 гг. н. э.), безурновыми сожжениями, в том числе сопровождавшими их конскими захоронениями (*Jaskanis*, 1977. S. 333). Хронология памятника, приводимая Я. Ясканисом, не соответствует действительности, так как даже приведенная в статье Р. Клебса 1876 г. (*Klebs*, 1876. Taf. II, 11, 12) поясная накладка, т. н. «лодочка», и ажурная накладка от самбийского пояса варианта C11 по Р. Мадыде-Легутко (*Madyda-Legutko*, 1986. S. 16, 18. Taf. 6, 11; *Jankuhn*, 1933.

S. 166–201) датируются по аналогичной находке в погребении № 170 могильника Тюлинино-Вишоф (*Viehof, Kr. Labiau*) фазами B2/C1 и C1a (около 150–200–150–220 гг. н. э.) (*Chilińska-Drapella*, 2010. S. 30, 73. Tab. 34, d).

Работы, проведенные на памятнике в 2017 г., позволили уточнить датировку данного поля погребений в совокупности с результатами работ, сделанными в 1870-х гг. Можно утверждать, что могильник функционировал уже по крайней мере с фазы B2 (ок. 70/80–150 гг. н. э.). Самая ранняя находка, происходящая на сегодняшний момент с памятника (сезон 2017 г.), – это навершие грив-

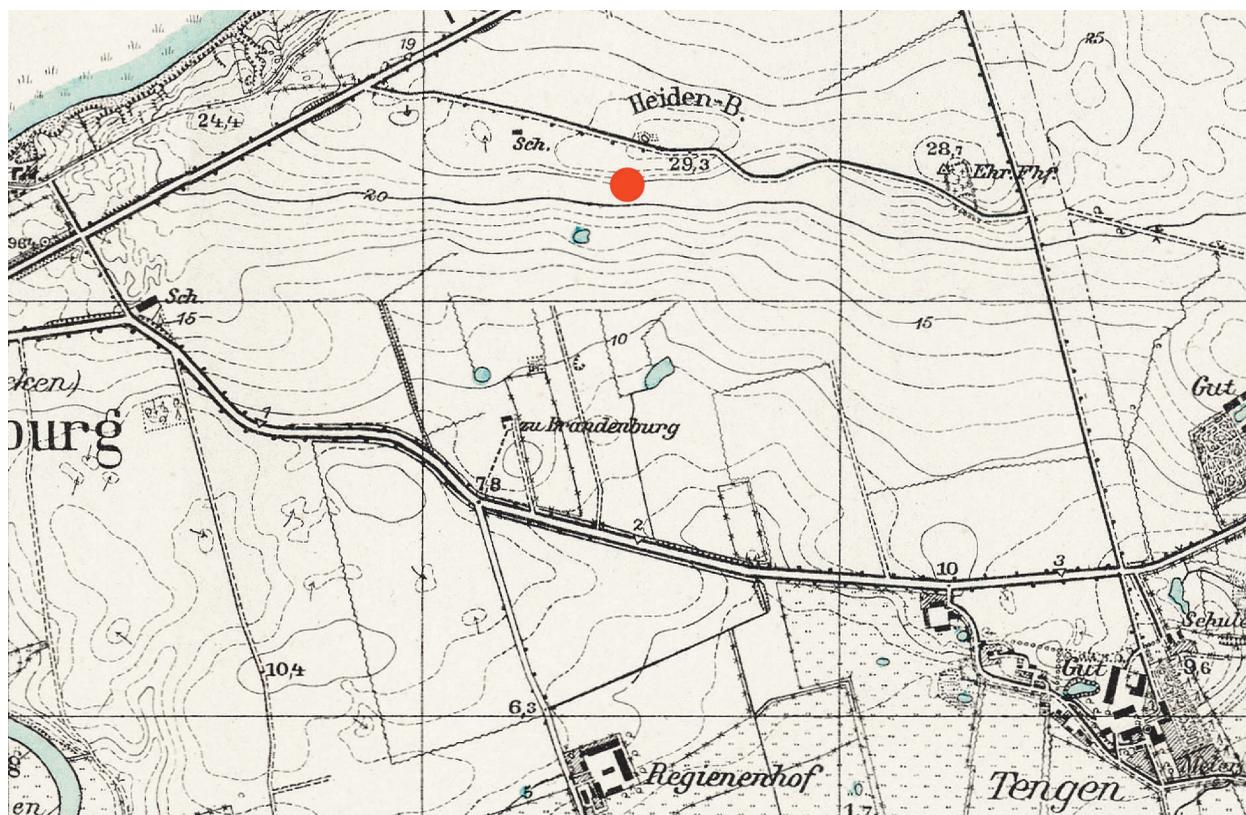

Рис. 3. Карта окрестностей пос. Бранденбург с положением могильника Тенген. Фрагмент карты 1937 г. (масштаб 1:25 000), лист 1387

Рис. 4. Готтлиб Михаэль Берендт (4.01.1836–27.01.1920), по: Keilhack, 1921

ны с конусовидным окончанием (Иванова, 2019. Рис. 16, 2, 7), относящаяся к самым ранним экземплярам подтипа 1.1 по А. Ржечотарской-Новакевич (Rzeszotarska-Nowakiewicz, 2010. Р. 317). Этот тип украшений был особенно популярным у эстиев и жителей юго-восточной Прибалтики и Финляндии во второй половине I – II в. н. э. (Шукин, 2005. С. 79–84). Наиболее близка эта находка гривне с могильника самбийско-натангйской культуры Коддиен (бывш. *Koddien, Kr. Wehlau*) и датируется фазой B2 (см. выше) раннеримского времени (Rzeszotarska-Nowakiewicz, 2010. Р. 318, 319, 332. Pl. I, II).

Многие погребения могильника сохранили остатки каменных кладок, самые комплектные из которых показывают, что они имели, как правило, подпрямоугольную либо овальную форму. Наиболее ранние погребения, обнаруженные на могильнике, относятся к фазе B2 раннеримского времени (около 70/80–160/170 гг. н. э.). Они совершены по обряду кремации, как правило урновые. Погребальный инвентарь в целом типичен для самбийско-натангйской культуры. Керамический набор представлен лепными погребальными урнами и сосудами-приставками различных типов, в том числе и т. н. типов Викау (*Typ Wiekau*) и Доллькайм (*Typ Dollkeim*). Из наиболее ранних

погребений происходят фибулы III, IV, V групп по О. Альмгрену.

Для погребений позднеримского времени характерны трехребешковые фибулы и арбалетовидные подвижные V и VI групп Альмгрена, изготовленные из бронзы, в том числе и фибулы типа Альмгрен 161–162, украшенные проволочной кольцевой garniturой. Среди подъемного материала в 2017 г. был обнаружен также фрагмент бронзового т. н. самбийского змееголового браслета типа I по Э. Блюме (*Blume*, 1912. S. 71, 72. Abb. 89). Браслеты данного типа в ареале эстиев датируются фазами фазы B2/C1–C1a (ок. 150–200–150–220 г. н. э.) (*Nowakowski*, 1996. Taf. 107).

В погребениях римского времени в мужских комплексах присутствуют детали поясных наборов из железа и бронзы, железные наконечники копий, ножи, детали щитов, втульчатые топоры, серпы, ножницы, точильные камни и т. д. В женских погребениях встречаются стеклянные импортные римские бусы и различные подвески из бронзы. В одном из погребений был обнаружен сестерций Луциллы (164–169 гг. н. э.), в погребениях с начала III в. н. э. римские медная и серебряная монеты эмиссий I–II вв., преимущественно относящиеся к императорам династии Антонинов, являются характерными предметами погребального инвентаря.

1.4. Погребения эпохи Великого переселения народов Ушаково 1 – Тенген

Погребения эпохи Великого переселения народов представлены практически исключительно безурновыми кремациями, а 18 из них являются погребальными комплексами всадников, захороненных в сопровождении коней. Инвентарь погребений этой эпохи в целом не отличается от материалов других синхронных могильников эстиев.

Среди предметов погребального инвентаря можно отметить разнообразные керамические лепные сосуды-приставки (рис. 7, 8), как правило, биконической формы, с заглаженной (реже подлощенной) внешней поверхностью, украшенные прорезным, штампованным или накольчатым орнаментом. Подобные сосуды становятся характерными типами керамики для погребальных памятников самбийско-натангийской культуры в V–VII вв. (подробнее см.: Гл. 7. Могильник Митино 1).

В инвентаре погребений V–VII вв. фибулы в основном представлены многочисленными экземплярами арбалетовидных фибул, изготовленных из бронзы и представленных фибулами типа Доллькайм-Коврово и типами Митино I, II, III, V (о них см.: *Скворцов*, 2010. С. 37–58) (рис. 9, 1–4; 10, 3, 7). Кроме популярных в эпоху Великого переселения народов арбалетовидных фибул среди подъемного материала можно отметить па-

ру фрагментированных дисковидных бронзовых фибул, украшенных штампованным орнаментом (рис. 10, 10, 11). Данный тип фибул в самбийско-натангийском ареале датируется VI–VII вв. (подробнее см.: Гл. 7. Могильник Митино 1).

Особо среди представленных на могильнике фибул выделяется экземпляр пластинчатой фибулы (рис. 10, 2), изготовленный из бронзы с площадками, выполненными в виде пары антропоморфных масок, с небольшим выступом в виде головы животного на конце одной из площадок. Данная фибула находит почти полные параллели с находкой¹¹, сделанной в 20–30-е гг. XX в. на мазурском могильнике Вердер (*Werder, Stadt Nordenburg, Kr. Gerdauen*, ныне *Zielony Ostrów, Pow. Giżycko, Woj. Warmińsko-Mazurskie*), в погребении 44 (1), датированном V в. (*Hilberg*, 2009. S. 504, 612. Taf. 36, 321). Упомянем и изготовленные из бронзы равноплечную фибулу конца VI – VII в. (рис. 10, 1), а также небольшую пластинчатую фибулу деградированной формы, найденную при сборе подъемного материала в 2017 г. (рис. 10, 9). (*Иванова*, 2019. Рис. 159, 20; 161, 3). Особый интерес представляет также найденная в ходе сбора подъемного материала накладка из серебряной пластины с гравированным орнаментом, украшавшая площадку держателя пружины фибулы VI–VII вв. (рис. 10, 4) (*Иванова*, 2019. Рис. 161, 2).

Тогда же, в ходе работ 2017 г., на могильнике были найдены и детали поясов эпохи Великого переселения народов: кольцо обоймицы из бронзы (рис. 10, 5) и рамка бронзовой пряжки варианта Митино II.2 (рис. 10, 6) (*Скворцов*, 2010. С. 73–74).

В погребении 2 раскопок 1872 г. (рис. 11) среди инвентаря присутствовал фрагментированный браслет варианта Митино 2.1 (*Скворцов*, 2010. С. 86–88), изготовленный из бронзы (рис. 9, 5). Данный тип браслетов был популярным для материальной культуры эстиев в V–VII вв. (подробнее о данном типе браслетов см.: *Скворцов*, 2010. С. 86–88; Гл. 2. Могильник Первомайское-Варникам).

Среди находок 2017 г. стоит отметить фрагмент бронзового браслета с расширяющимися окончаниями, украшенного прорезным и чеканным орнаментом (рис. 10, 8). Браслеты данного типа широко представлены в древностях балтов VI–VIII вв. (подробнее см.: Гл. 7. Могильник Митино 1).

Частой находкой в мужских погребениях эпохи Великого переселения народов на могильнике Тенген являются предметы вооружения,

¹¹ В полевой документации указано, что данный экземпляр фибулы из могильника Вердер сделан из позолоченной бронзы, но мне при работе с данной находкой в фондах КОИХМ в начале 2000-х гг. удалось установить, что она изготовлена из серебра с черным орнаментом на корпусе и с горячим золочением.

Рис. 5. Вид с юга на могильник Ушаково 1 – Тенген

например, пара боевых ножей с тремя кровостоками¹² (рис. 12, 1, 4), относящиеся к типам 2 и 3 по классификации Я. Прасолова (*Prassolow*, 2018. S. 275–277). Самый поздний экземпляр типа 3 из погребения 28 датируется фазами D3–E1 (ок. 430–450/500–450/500–520 гг. н. э.) (*Prassolow*, 2018. S. 112–115. Abb. 35) (подробнее см.: Гл. 10. Могильник Путилово 2 – Гаутен). Также отметим наличие небольших железных наконечников копий и дротиков (рис. 14, 2, 3), в том числе и наконечника копья с пером профилированной (пламевидной) формы, широко представленной в вооружении эстиев второй половины V – начала VI в. (подробнее см.: Гл. 2. Могильник Первомайское-Варникам). Известны находки железных серпов и ножниц (рис. 12, 6, 7).

¹² Как в западной, так и в российской археологии мечами считается только двулезвийное оружие с прямым клинком, коротким (от 25 см), типа гладуса, или длинным, типа спаты. Однолезвийное оружие с длинным (не менее 60 см) узким прямым клинком является палашом. Однолезвийное оружие с прямым клинком, узким или широким, длиной в пределах 25–60 см является скрамасаксами, равно как и однолезвийное оружие с широким клинком до 70 см длины (о скрамасаксах подробнее см.: Гл. 2. Могильник Первомайское-Варникам). Однолезвийные ножи с клинком менее 24 см длины можно разделить на боевые и бытовые лишь по контексту находки. К сожалению, эта терминология пока прочно не привилась в исследованиях, посвященных балтам. Среди распространенных в самбийско-натангийской культуре в эпоху Великого переселения народов и мервингское время типов клинкового вооружения можно выделить две основные группы. 1. Боевые ножи, неудачно называемые в восточно-прусской археологии «ножами-кинжалами» (*Dolchmesser*), что для людей, знакомых с холодным оружием, звучит примерно как «однорядный пулемет», с тремя (двумя) кровостоками, длиной до 58 см, типичные для фаз D1–E1 западнобалтской хронологии (около 350/360–450/500–520 гг. н. э.) (подробнее см.: *Prassolow*, 2018). 2. Скрамасаксы, как правило, с тавровидным или трехугольным сечением, длиной, как правило, ок. 30–70 см, популярные для фаз E2a – F западнобалтской хронологии (ок. 520–570–650/675–750 гг. н. э.).

В конских захоронениях находились разнообразные варианты железных кольчатых удил (рис. 15) (об удилах: *Скворцов*, 2010. С. 145–159). Из примечательных находок, датированных поздним этапом Великого переселения народов, относящихся к снаряжению всадника, можно отнести пластинчатую биметаллическую шпору (рис. 10, 12), найденную в ходе разведок 2017 г. Пластина изготовлена из бронзы, шип – из железа (*Иванова*, 2019. Рис. 161, 1).

Логика расположения некрополя Ушаково 1 – Тенген хорошо укладывается в современные представления об истории освоения прибрежной части Вислинского залива в римскую эпоху и в период Великого переселения народов. В настоящее время исследователи имеют в своем распоряжении значительный массив информации, свидетельствующей о том, что прибрежная полоса Вислинского залива в древности была густо заселена и представляла собой одну из важных транспортных магистралей, связывавших население Самбийского полуострова и низовья Вислы (*Скворцов*, 2012. С. 107–126; 2013. С. 36–48).

Изучение территорий, прилегающих к берегу Вислинского залива, за последние десятилетия позволило выявить ряд новых памятников и заново обнаружить часть ранее известных в довоенный период в окрестностях пос. Ушаково (*Скворцов*, 2012. С. 110–112). Ранее здесь был известен единственный некрополь – Ушаково 1 – Тенген, теперь нам известны еще два синхронных некрополя эстиев, расположенных от последнего в радиусе 1,7 км. Это обнаруженный в 2002 г. около 1,7 км юго-западнее от некрополя Ушаково 1 –

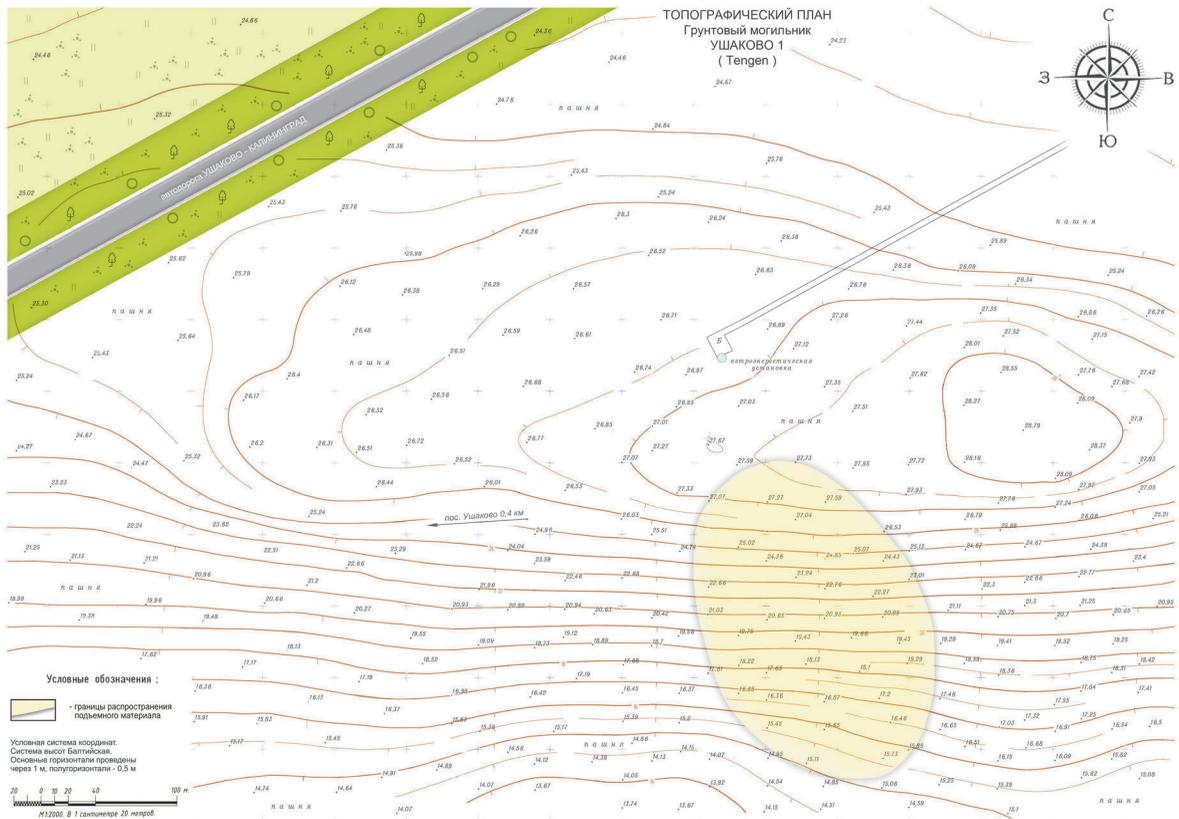

Рис. 6. Топографический план могильника Ушаково 1 – Тенген

Тенген ранее неизвестный могильник Ушаково. Он функционировал от римского времени до Средневековья. Памятник расположен на возвышенности правого берега р. Прохладная, недалеко от места ее впадения в залив, на территории пос. Ушаково, в месте нахождения кирхи Св. Николая, построенной в XIV в. (Boetticher, 1898. S. 48–52; Bachtin, Doliesien, 2000. S. 98). По результатам проведенных исследований можно утверждать, что некрополь функционировал с периода С (т. е. приблизительно с 160/180–200 гг.) поздеримского времени вплоть до позднесредневекового времени¹³ (нем. *Spatheidnische Zeit*, около 1050–1250 гг. н. э.) и был сильно разрушен в эпоху Средневековья при строительстве кирхи и функционировавшего при ней кладбища. Среди находок, сделанных на этом памятнике, особенно стоит отметить золотую подвеску, изготовленную из ауреуса императора Викторина (268–270 гг. н. э.), и серебряную с позолоченными деталями фибулу *Monstruoso* (Скворцов, 2012. С. 110–112, 173. Рис. 1; Skvortsov, 2013. S. 212, 213). Этот тип является производным от фибул Альмгрен 216

и Альмгрен 217, он отнесен Е. Штрауме к т. н. балтийскому типу (*Almgren*, 1897. Taf. IX, 216, 217; *Straume*, 1988. S. 168). Находки подобных фибул характерны для погребений германской знати этапов С1b–С2 поздеримского времени (ок. 220/230–250/270–250/260–300/320 гг.), они известны на обширных территориях от Скандинавии до ареала черняховской культуры (*Werner*, 1988. S. 247–251; *Ethelberg*, 2000. S. 52, 53. Fig. 43; *Lund Hansen, Przybyła*, 2010. S. 262–268, 270. Abb. 34, 36).

В ходе разведок, проведенных отрядом САЭ ИА РАН под руководством автора этих строк в 2015 г. в 1 км севернее могильника Ушаково 1 – Тенген, был выявлен еще один грунтовой могильник, Ушаково 3, расположенный на северо-восточном, высоком участке юго-восточного берега Калининградского залива (Скворцов, 2015). Найденные на памятнике погребения свидетельствуют, что данный некрополь функционировал по крайней мере с фазы В2/С1 (ок. 160/180–200 гг.) римского времени по фазы D3/Е1 западнобалтийской хронологии (ок. 450–520 гг.) эпохи Великого переселения народов. На данном памятнике были также обнаружены предметы римского импорта, свидетельствующие о заметной роли в торговле на Янтарном пути коллек-

¹³ По аналогии с нем. *Spatheidnische Zeit* – т. н. период Н немецкой хронологии восточнопрусских древностей, в основном датируемый второй половиной XI – первой половиной/серединой XIII в.

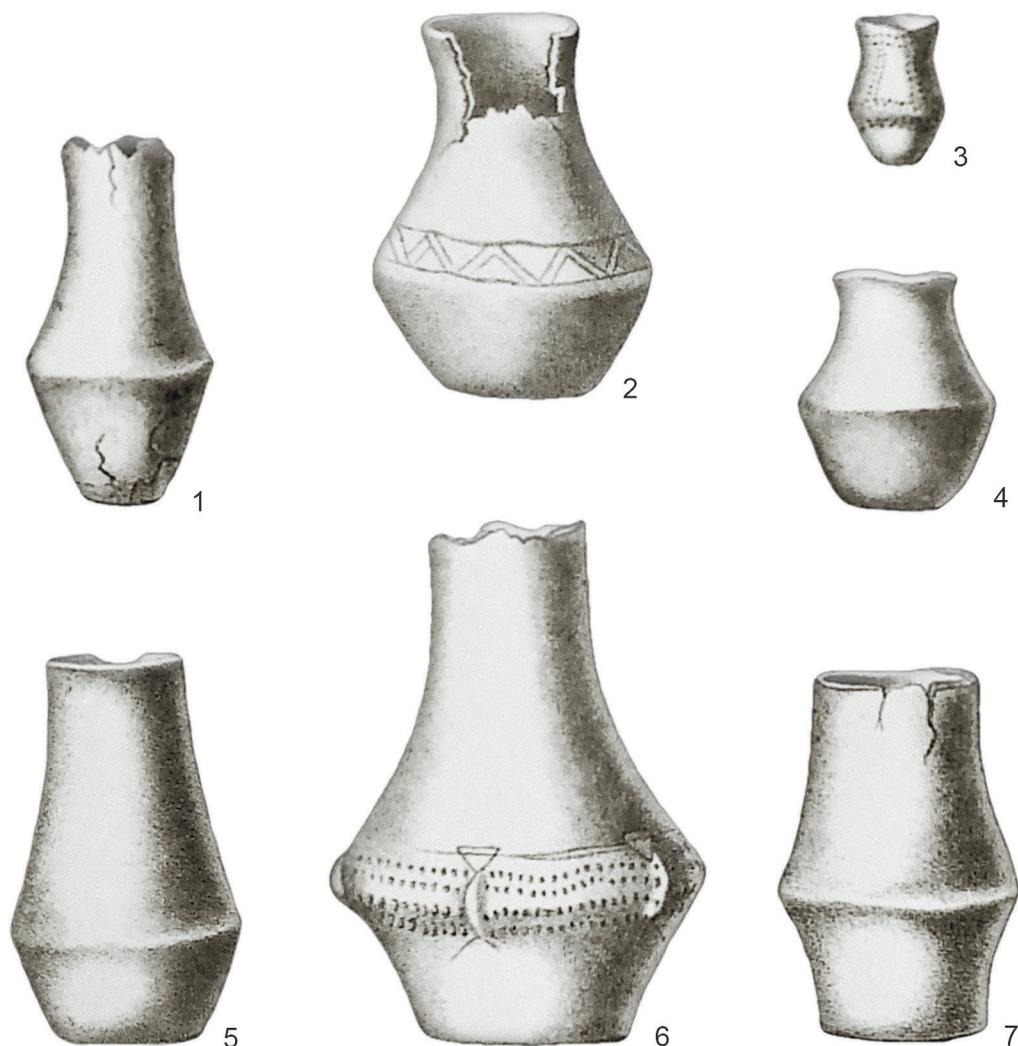

Рис. 7. Керамические сосуды из погребальных комплексов V-VI вв. могильника Ушаково 1 – Тенген. По: *Berendt*, 1873. Taf. I.2, 4–6, 15, 16, 27. 1 (Погр. 6), 2 (Погр. 27), 3 (Погр. 15), 4 (Погр. 4), 5 (Погр. 5), 6 (Погр. 2), 7 (Погр. 16).

тива, оставившего памятник. Значение данного памятника сохранялось и в более поздние эпохи. Одним из свидетельств может служить найденная на нем фибула типа Гурзуф (*Kühn*, 1981. S. 728. Taf. 262, 64, 1–35; 263, 64, 36–59; *Rudnicki, Skvorzov*, 2017. S. 302, 303. Рис. 2, 3). Находки фибул типа Гурзуф известны на территории Центральной и Восточной Европы (*Kühn*, 1981. Taf. 262, 64, 36, 37; *Gavritukhin, Kazanski*, 2010. P. 105, 106). Ближайшей стилистической аналогией этой находке является экземпляр из Херсонеса (*Айбабин*, 1979. С. 23. Рис. 3, 1, 1a; 4). Находку с Ушаково 3 можно отнести к группе производных от фибул, распространенных в Подунавье и датированных второй половиной V – началом VI в. (*Айбабин*, 1990. С. 20. Рис. 14, 8; *Амброс*, 1992. С. 77; *Kazanski*, 1998. P. 335–338). Фибулы типа Гурзуф принято считать элементом герман-

ского костюма (*Hilberg*, 2009. S. 90; *Gavritukhin, Kazanski*, 2010. P. 106).

Находки, сделанные на этих трех могильниках, представленные редкими предметами импортов позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, изготовленные в том числе и из благородных металлов, безусловно, являются свидетельством высокого социального положения их владельцев. Очевидным представляется и то, что эти фибулы *Monstruoso*, ауреус имп. Викторина и застежка типа Гурзуф попали в данный регион как результат торговых контактов по Янтарному пути с Дуная или из северного Причерноморья и из Галлии. Находки подобного уровня сосредоточены главным образом на основных маршрутах торгового пути от Самбии к устью Вислы и прежде всего связаны с янтарной торговлей, в которой представители самбийско-натан-

Рис. 8. Фотография сосуда из погребения могильника Ушаково 1-Тенген (1872). (Фонды музея Вармии и Мазур)

гийской культуры принимали активное участие и пик которой пришелся на позднеримское время (Skvortsov, 2012. P. 169, 170). Можно полагать, что погребения, содержащие подобные находки, принадлежали представителям родовой верхушки и членам их семей и могли поступать к ним в результате различного рода торгово-обменных, миграционных и иных процессов, происходивших на данных территориях в позднеримский период и эпоху Великого переселения народов.

Могильник Тенген и окружающие его памятники являются ярким свидетельством дальних торговых и культурных контактов самбийско-нотангийской культуры как в конце эпохи римских влияний, так и в эпоху Великого переселения народов, а также фактом притяжения местными элитами элементов надрегиональной «вождеской» культуры германских племен. Представляется очевидным, что такое скопление памятников, находящихся вблизи устья р. Прохладной, на сухопутном отрезке торгового пути из Самбии к устью р. Вислы, вероятнее всего, маркирует речную переправу и местонахождение локального «центра власти», контролировавшего участок торгового пути вдоль

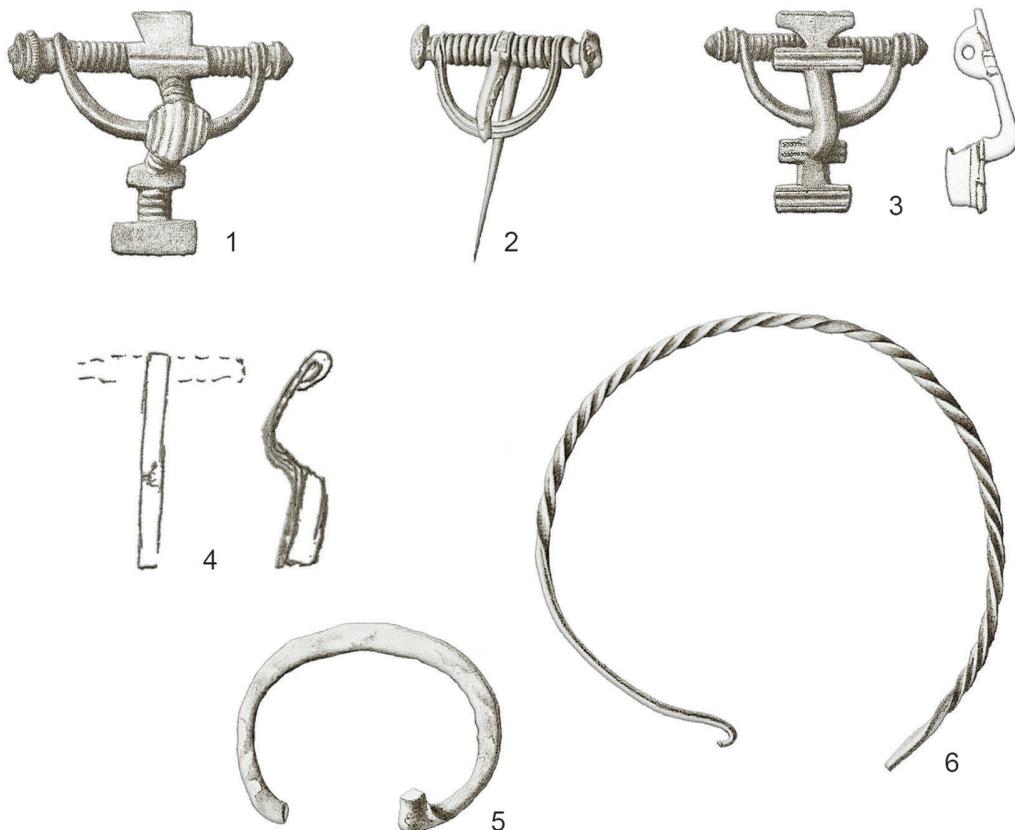

Рис. 9. Металлические украшения из погребальных комплексов VI в. могильника Ушаково 1 – Тенген. 1, 3 – по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI, 2, 3; 2, 5, 6 – по: Berendt, 1873. Taf. II, 3, 7, 8. 4 – по: F. Jākobson Arhīvs, погребение 46. 1-4 – бронза, 5 – серебро. 1 (погр. 42), 2 (погр. 27), 3 (погр. 49), 4 (погр. 2), 5 (погр. 2), 6 (погр. 2).

Рис. 10. Изделия из цветных металлов, происходящих из слоя могильника Ушаково 1 – Тенген (подъемный материал). 2 – по: Скворцов, 2015. 1, 3–12 – по: Иванова, 2019. Рис. 159, 15, 20; Рис. 160, 7; 161, 1–4, 6, 7; Рис. 162, 3. 1–3, 5–12 – бронза, 4 – серебро

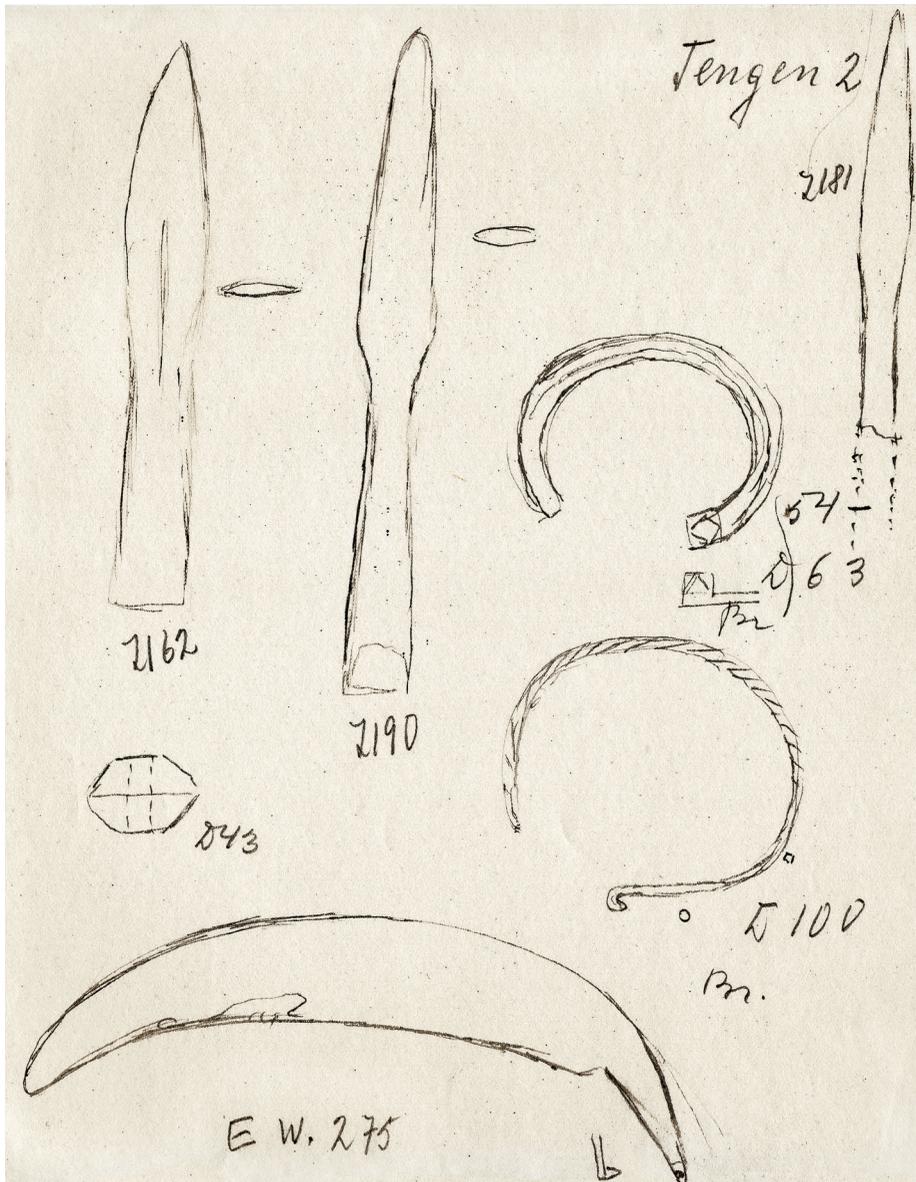

Рис. 11. Часть инвентаря погребения 2 (1872) могильника Ушаково 1 – Тенген. По: F. Jākobson *Arhīvs*

Калининградского залива приблизительно от места совр. пос. Прибрежное до совр. пос. Ульяновка на левом берегу р. Прохладной. Наличие подобного административного центра в данном месте тем более вероятно, что в непосредственной близости от северо-восточной окраины некрополя Тенген расположено святилище на горе Хайденберг (*Heidenberg*) (*Wenskus*, 1968. S. 311).

1.5. Каталог

1.5.1. Погребение 9 (1873 г.)

Среди захоронений, найденных на могильнике Тенген в XIX в., особое внимание привлекает погребение 9, исследованное Г. Берендтом осе-

нью 1873 г. (*Berendt*, 1873. S. 90, 91. Taf. I, 9, 9a, II, 4, III, 4) (табл. 1). Оно имеет ряд признаков, характерных для могил знати позднего этапа эпохи Великого переселения народов. Судя по данным, приведенным в публикации Г. Берендта, это разрушенное захоронение всадника и коня (коней?). В верхней части погребения сохранилась часть (?) каменной кладки в виде овальной «оградки» по контуру ямы, длиной около 1,5 м. Яма ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. В центральной части ямы, в верхней части ее заполнения обнаружен фрагмент переотложенного конского зуба, окрашенного солями меди в зеленый цвет. Рядом с зубом – фрагмент бронзового

ТАБЛИЦЫ

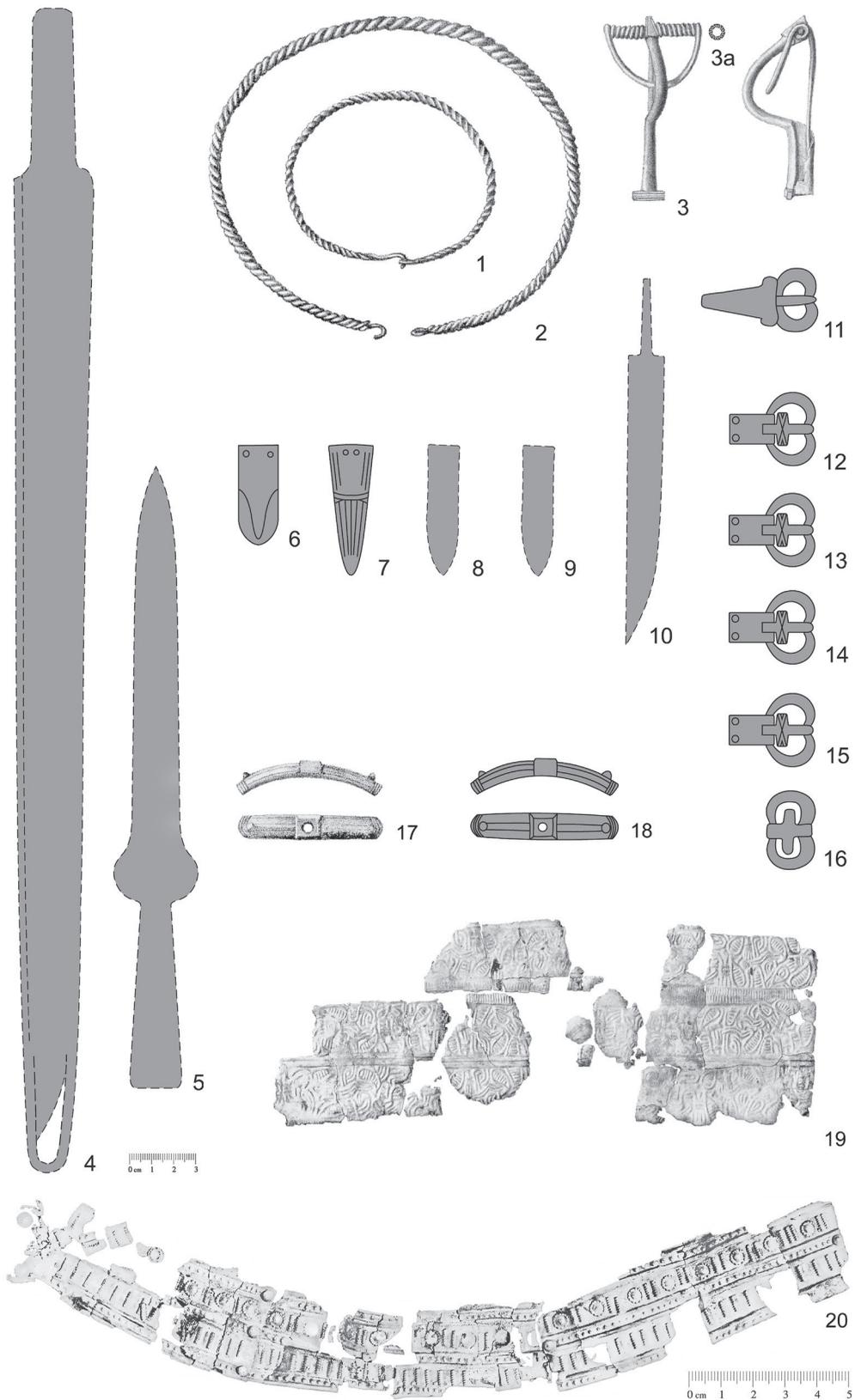

Табл. 3. Могильник Первомайское-Варникам. Инвентарь погребения 1. Раскопки Р. Клебса 1877 г.
1 – золото; 2, 3, 6–9, 11–20 – серебро; 4, 5, 10 – железо. По: *Tischler, Kemke, 1902*

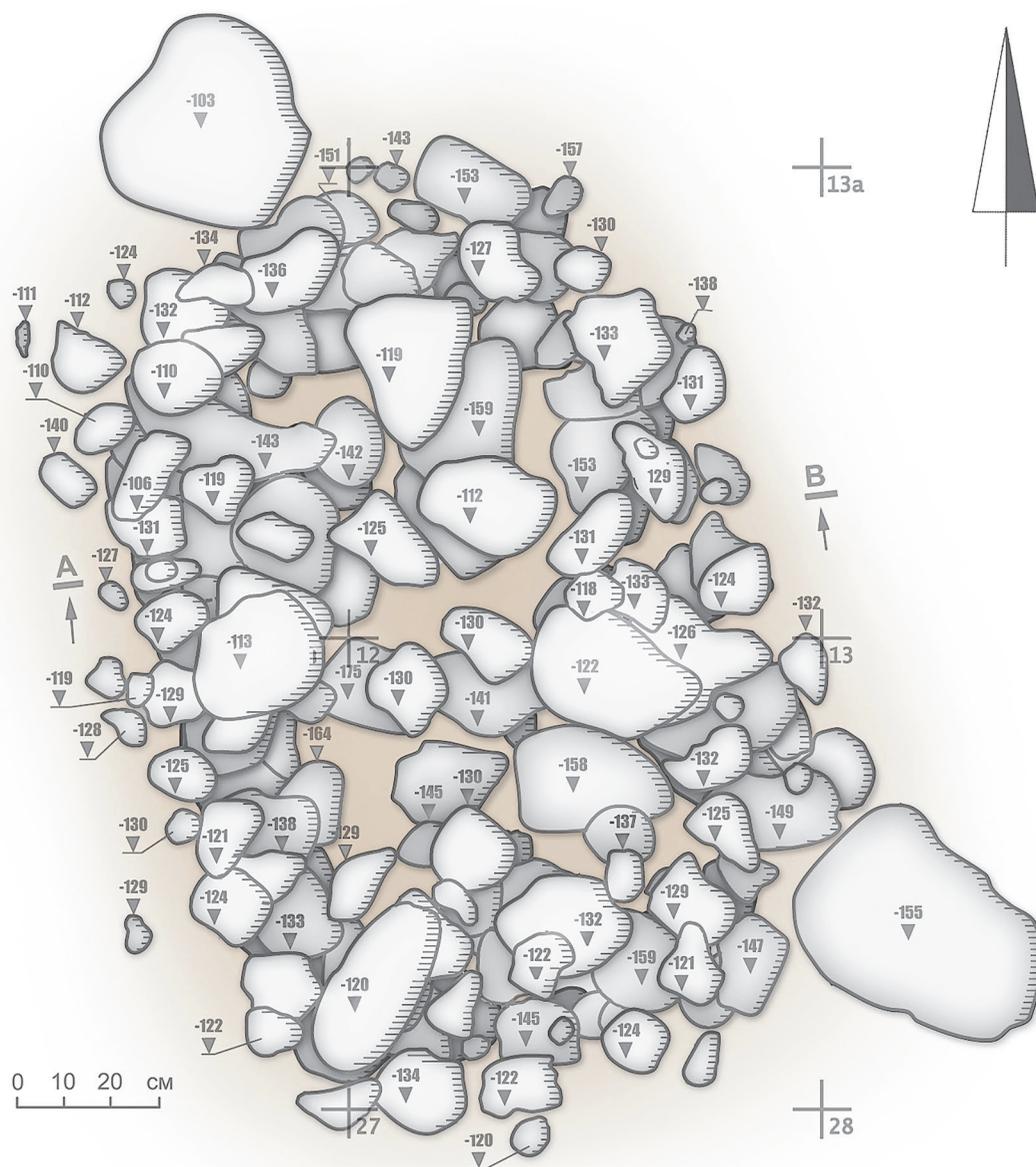

Табл. 19. Могильник Кляйнхайде-Гурьевск. Погребение 21. План верхней части каменной кладки

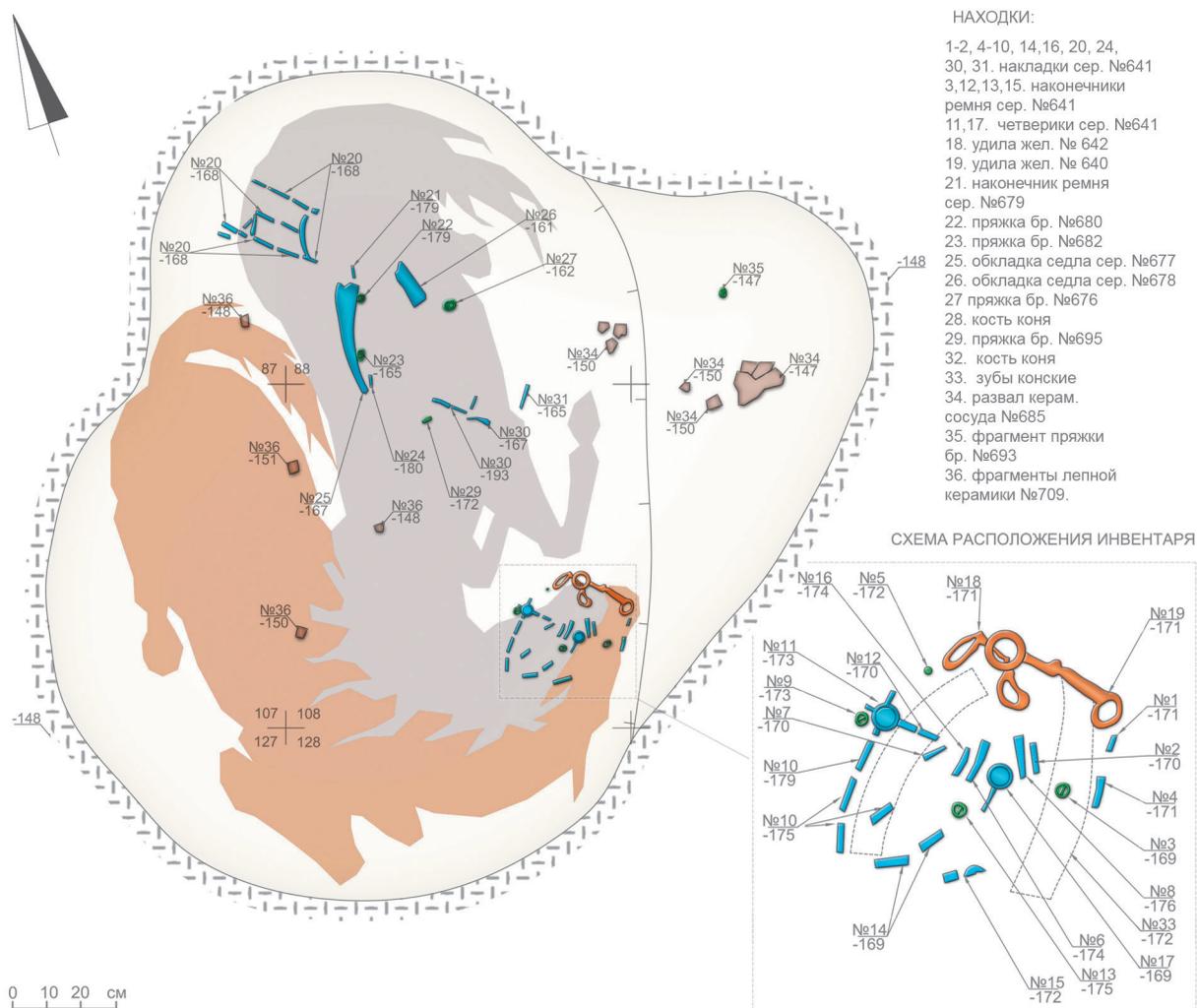

Табл. 35. Могильник Митино. Погребение 335.
План нижней части ямы с захоронением коней

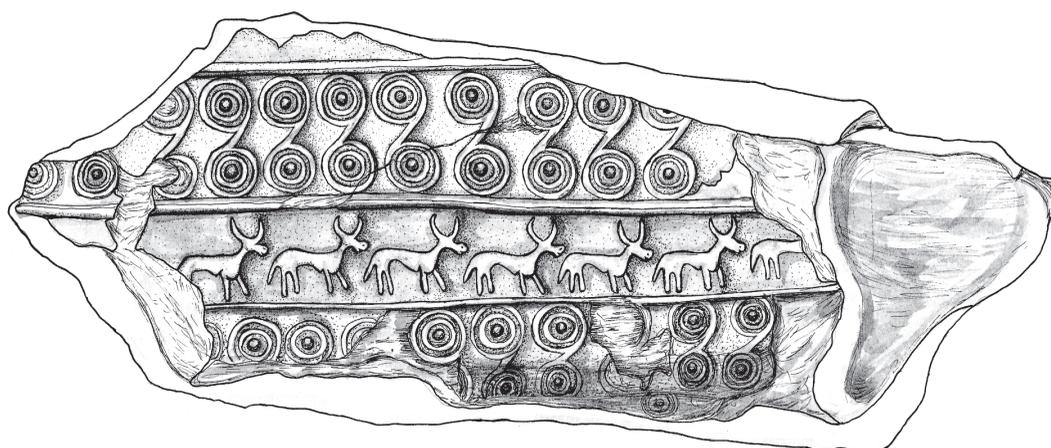
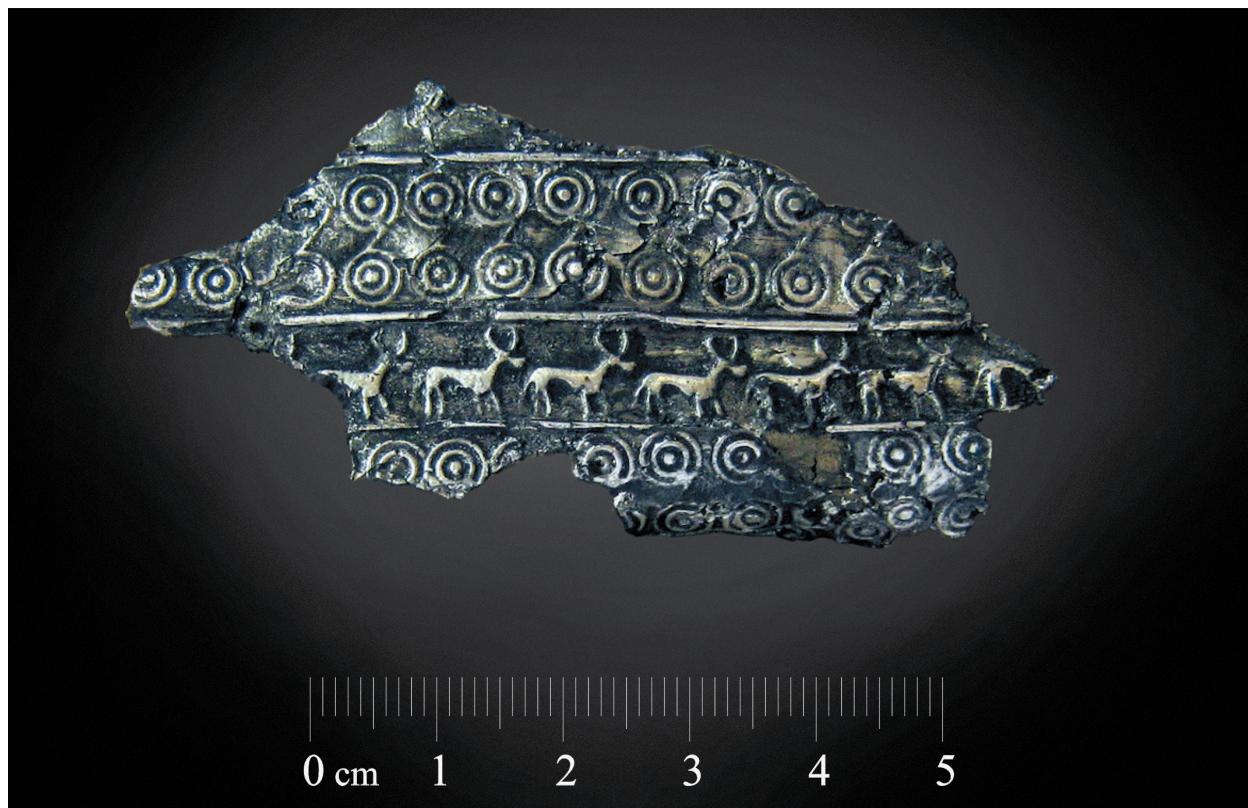

Табл. 51. Могильник Митино. Погребение 335.

а, б - фрагмент обтяжки передней луки седла коня 1. а - фото, б - графическое изображение

Табл. 61. Могильник Митино. Погребение 43. Серебряные украшения на скоплениях кальцинированных костей *in situ*

Табл. 62. Могильник Митино. Погребение 43. Фибула

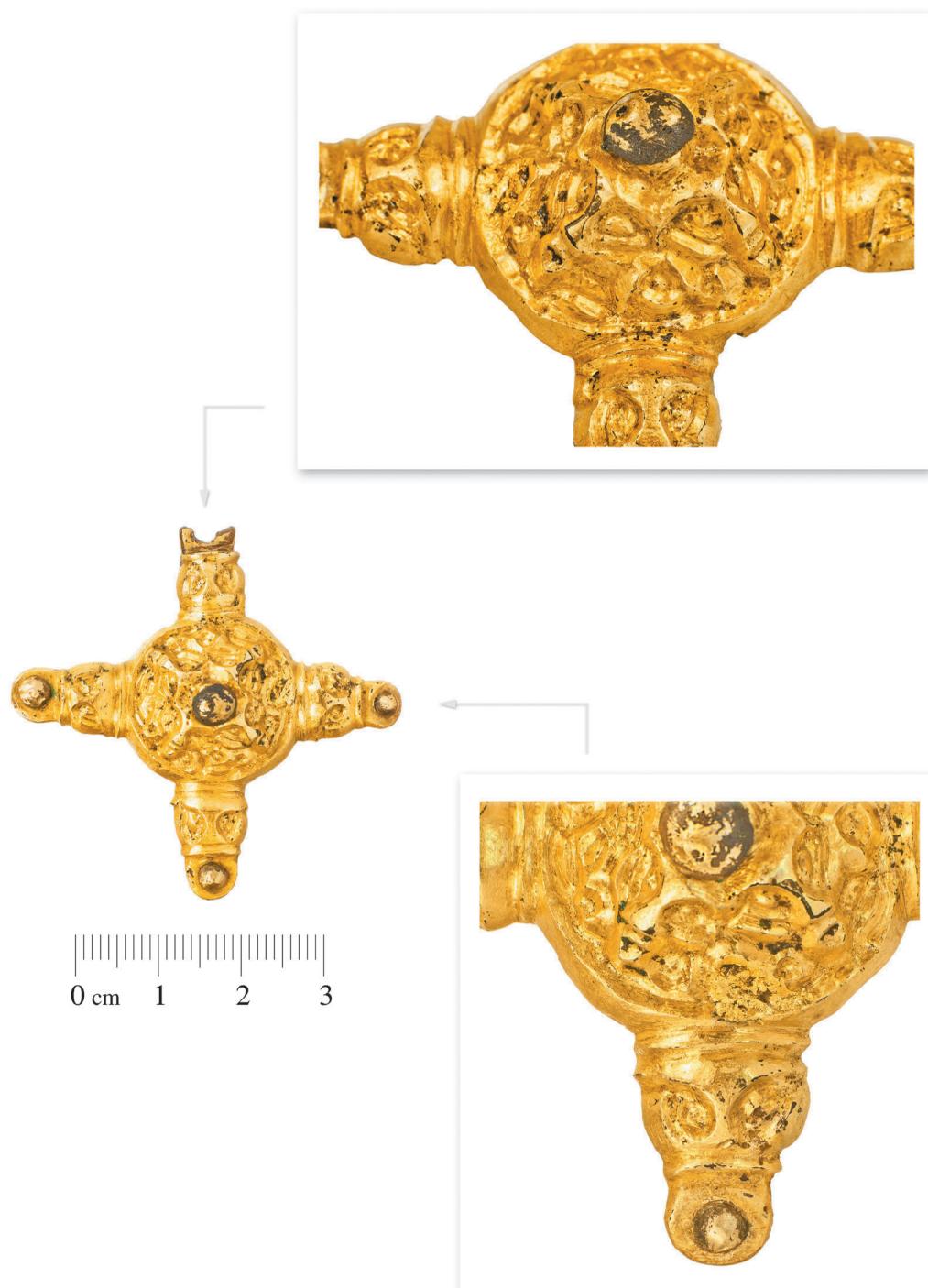

Табл. 87. Могильник Шоссейное. Участок А. Четверик №136 и его детали. Фото

1

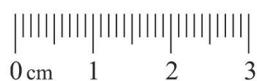

Табл. 92. Могильник Шоссейное. Участок А. Оковка №91, серебро. Фото

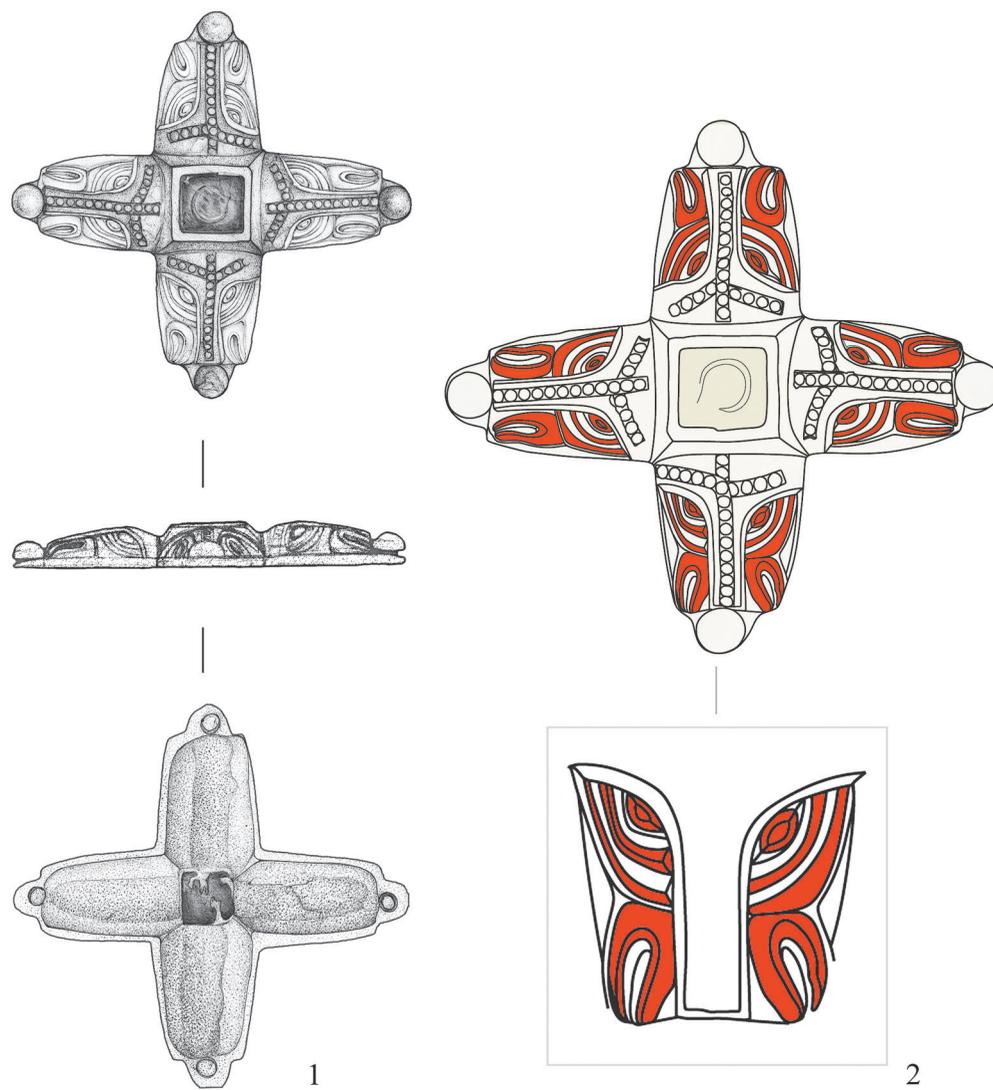

Табл. 116. Могильник Логвино – Кляйн Меденау 1. Погребение 1. Четверик №113 и элементы орнамента. Графическое изображение

Табл. 135. Могильник Путилово 2 – Гаутен.
Погребение 22. Контуры погребальной камеры и просевшие камни каменной кладки

Табл. 136. Могильник Путилово 2 – Гаутен. Погребение 22. Предметы погребального инвентаря и кальцинированные кости в нижней части погребения

1-24

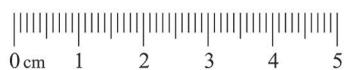

Табл. 170. Могильник Путилово 2 – Гауен. Погребение 22. 1-24 – игральные жетоны, стекло. Фото